

«УТВЕРЖДАЮ»

Ректор
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения
высшего образования
«Рязанский государственный
университет имени С.А. Есенина»
Д.А. Боков

«25» Май 2026 г.

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина» (РГУ имени С.А. Есенина) на диссертационную работу Дашкина Рината Анвяровича «Советская власть и коммунистическая партия в восприятии сельского населения в условиях новой экономической политики (1921-1929 гг.) (По материалам Нижегородской губернии)», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. – Отечественная история

Диссертационное исследование Р.А. Дашкина находится в рамках передовой и сложнейшей области исследования – реконструкция восприятия. Работа посвящена одной из ключевых и одновременно наиболее сложных проблем отечественной истории XX века – реконструкции восприятия советской власти и коммунистической партии сельским населением в период новой экономической политики. Автор определяет восприятие не как пассивное отражение действительности, а как исторически сложившееся сознательное отношение, опосредованное традиционной культурой, ценностями, уровнем грамотности, религиозностью и личным хозяйственным опытом крестьянства (с. 22–24). Такой подход, по мнению Р.А. Дашкина, позволяет выйти за рамки как советской идеологии о «нерасторжимой смычке рабочего класса и крестьянства», так и постсоветского мифа о тотальной враждебности деревни большевикам. Вместо этого диссертант

предлагает взвешенную, многомерную модель, в которой отношение к власти колебалось в зависимости от экономической конъюнктуры, качества местных кадров, успешности агитации и даже распространения слухов. Именно комплексный, антропологически ориентированный анализ характеризует работу Р.А. Дашкина.

Диссертация имеет продуманную, логически выстроенную структуру, состоящую из введения, трех глав (каждая из которых разделена на три параграфа), заключения, списка использованных источников и литературы, а также приложения. Такое структурирование позволило автору последовательно перейти от анализа кадровой и идеологической составляющей власти (Глава I) к социально-экономическим факторам, включая ключевой конфликт с кулачеством (Глава II), и далее – к формам выражения политических настроений самим крестьянством (Глава III). Завершающее приложение с архивным документом (с. 231–232) не носит формального характера, а иллюстрирует методологическую базу исследования на конкретном материале циркуляра агитпропотдела от 1922 года.

Важной для понимания авторского подхода к теме является первая глава («Социально-психологические аспекты кадровой политики Советской власти в условиях НЭПа»), в которой диссертант обоснованно подвергает критике упрощённые представления как советской, так и ранней постсоветской историографии. Р.А. Дашкин убедительно доказывает, что низовая власть на селе состояла из тех же крестьян, что порождало не простую дихотомию «власть – общество», а сложную, амбивалентную идентичность: «свой» по происхождению, но «чужой» по функциям и обязанностям (с. 60–62). Исследователь приводит веские доказательства того, что ключевым фактором формирования восприятия был не столько абстрактный идеологический дискурс («диктатура пролетариата», «мировая революция»), сколько конкретные практики взаимодействия с местными чиновниками – их уровень образования, моральный облик, манера общения, бытовые условия. Весьма

показателен приведённый на с. 73–74 образ деревни Чернуха как «трясины», засасывающей командированных из города работников, – эта метафора, взятая из архивного отчёта, ярко иллюстрирует отчуждение и бессилие местной власти в первой половине 1920-х годов.

Помимо других многочисленных источников, в диссертации обращает на себя внимание широкое привлечение автором делопроизводственной документации (анкеты материально нуждающихся, протоколы партийных собраний ячеек, докладные записки уполномоченных, переписка укомов и волкомов, сводки ГПУ). Разнообразная источниковая информация извлечена автором из Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Государственного общественно-политического архива Нижегородской области (ГОПАНО) и Центрального архива Нижегородской области (ЦАНО). Всего задействовано более 25 фондов, что для кандидатской диссертации является показателем высокой источниковедческой культуры. Изучены Р.А. Дашкиным и другие источники – от законодательных актов (с. 38) до писем крестьян в «Крестьянскую газету» (с. 45–47). Основываясь на разнообразной информации, автор подвергает критике встречающиеся в литературе абсолютизированные и идеологизированные тезисы, настаивая на необходимости отказа от оценочных суждений в пользу реконструкции реальных практик повседневности (с. 11–13).

Важен и посыл о динамике, сформулированный на основе приводимых автором тезисов, что в 1921–1923 гг., на фоне катастрофического голода и разрухи (посевные площади сократились на 35%, треть дворов осталась без лошадей, с. 28–29), отношение к власти было преимущественно настороженным или негативным. Диссертант убедительно показывает, что наследие военного коммунизма и деятельности комбедов сформировало у крестьян стойкое ощущение, что «власть больше берёт, чем даёт» (с. 106). К 1925–1926 гг., как указывает диссертант, после преодоления кризиса «ножниц цен», денежной реформы и улучшения работы кооперации, намечается решительный перелом. Автор доказывает это не только

качественными, но и количественными показателями: явка на перевыборах в сельсоветы выросла с 37,2% до 53% (с. 163–164), а доля крестьян-середняков в составе сельсоветов достигла 53% (с. 160). Особую значимость этим цифрам придаёт тот факт, что они отражают не формальную лояльность, а реальное доверие, поскольку середняк был наиболее прагматичной и экономически самостоятельной частью деревни, чуждой как патерналистским иллюзиям бедноты, так и открытой враждебности кулачества.

Весьма важен и тезис Р.А. Дашкина о том, что девиантное поведение низовых представителей власти (пьянство, коррупция, халатность, аморальный образ жизни) выступало не второстепенным, а одним из мощнейших факторов делигитимации власти (с. 90–96). Опираясь на обширный архивный материал (включая сводки ГПУ и материалы партийных чисток), автор реконструирует механизм, при котором пьянство милиции и партийных работников в Семёновском, Арзамасском, Краснобаковском уездах напрямую коррелировало с ростом политического бандитизма, коррупции, эпидемий сифилиса и, как следствие, с низким авторитетом советской власти. В то же время в уездах, где милиция работала эффективно (Ардатовский, Васильсурский, Городецкий), уровень бандитизма и антисоветских настроений был значительно ниже. Этот корреляционный анализ, основанный на перекрёстной проверке нескольких типов источников, составляет одно из наиболее сильных мест диссертации и имеет значение не только для истории НЭПа, но и для понимания природы политической стабильности/нестабильности в целом.

Автор выдвигает и тезис о наличии объективной взаимосвязи между уровнем экономического развития и динамикой социальных отношений, о прямой зависимости социальных благ в условиях рыночных отношений от состояния экономики и уровня развития производства (с. 107–111). Отражением этого стала, по мысли диссертанта, эволюция социальной политики на селе: от попыток опоры на комбеды и бедноту (которая при НЭПе, лишившись привилегий, оказалась в «безразличном» отношении

к власти, с. 62) к прагматичному союзу с середняком. Именно середняк, чьё хозяйство укреплялось по мере стабилизации экономики, стал к 1926 году главной опорой советской власти в деревне, что подтверждается анализом писем и сводок ГПУ. Показательно, что даже зажиточная часть середняков, поначалу лояльная, стала проявлять недовольство лишь с началом коллективизации (с. 157–158), что свидетельствует о тонком понимании автором социальной динамики.

Тем не менее, Р.А. Дашкин в рецензируемой диссертации констатирует, что предшествующие работы по этой теме зачастую носили либо узкоэкономический, либо публицистически-политизированный характер. В своем исследовании автор стремится отойти от оценочных суждений советского («классовая борьба») и постсоветского («тоталитарный режим») периодов, обратившись к микроисторическому анализу повседневности. Комплексно изучить влияние партийно-советских органов на формирование общественного мнения в деревне ему удаётся за счёт скрупулёзной работы с источниками личного происхождения (письма, анкеты, свидетельские показания) и документами ГПУ, которые диссертант справедливо считает высоконадёжными при условии перекрёстной проверки (с. 41–42). В первой главе Р.А. Дашкин утверждает, что «слабость деревенских органов власти, их непопулярность у крестьянства объяснялись, в основном, низким образовательным и профессиональным уровнем работников Советов» (с. 135), а их укрепление напрямую зависело от кадровой политики и партийных чисток (с. 140–144). Показательно, что даже Ленинский призыв 1924 года не дал мгновенного эффекта, поскольку новые члены партии зачастую не обладали ни политической грамотностью, ни управленческим опытом (с. 144).

Во второй главе («Социально-экономические факторы взаимоотношения власти и сельского общества в годы НЭПа») автор подробно останавливается на трёх ключевых блоках: социально-бытовые условия и материальное положение власти (параграф 2.1), конфликт кулачества

и власти как фактор восприятия (параграф 2.2) и проблема партийных «чисток» (параграф 2.3). Особого внимания заслуживает анализ феномена кулачества. Р.А. Дашкин последовательно раскрывает, как экономическое доминирование кулаков (в торговле, кредите под варварские проценты, аренде земли, владении мельницами) создавало альтернативную систему социальной поддержки, делая бедняка менее зависимым от государства, а следовательно, и менее лояльным к нему (с. 122–127). Диссертант приводит яркий количественный показатель: к 1927 году кулачество сосредоточило у себя около 80% стоимости сельскохозяйственной техники, что делало его фактическим хозяином положения в деревне. Проникновение кулаков в советы и кооперацию, по убеждению автора, дискредитировало власть изнутри, заставляя крестьянина сомневаться: «чья это власть – наша или кулацкая?» (с. 133). При этом автор не впадает в демонизацию кулачества, а показывает его как сложный, внутренне противоречивый слой, часть которого стремилась к легальной экономической деятельности, а часть – к открытому политическому противодействию (с. 132). Хронологически анализ охватывает весь период с 1921 г. до начала свёртывания НЭПа и активизации коллективизации в 1929 г.

В третьей главе («Формы выражения политических настроений сельского населения») автор переходит от анализа факторов к анализу самих форм активности. Параграф 3.1 посвящён социальной дифференциации и динамике настроений – здесь особенно ценно то, что Р.А. Дашкин не ограничивается констатацией факта расслоения, а показывает, как именно бедняк, середняк и кулак оценивали одни и те же действия власти (например, налогообложение или перевыборы). Параграф 3.2 («Политическая активность населения») расширяет традиционное понимание политического участия, включая в него не только выборы и партийную работу, но и распространение слухов, уклонение от налогов, самосуды и даже политический бандитизм. Именно здесь в полной мере раскрывается эвристический потенциал источников ГПУ, которые фиксировали не только факты, но и их

интерпретацию крестьянами. Параграф 3.3 («Отношение сельского населения к лидерам партии и государства») вносит важное дополнение в историографию образа власти: диссертант доказывает, что в массовом сознании сформировалась устойчивая бинарная оптика («хороший» центр в лице Ленина, а затем Сталина, и «плохие» местные исполнители), которая служила мощным амортизатором социального недовольства (с. 185–197). Эта оптика, убедительно реконструированная на основе писем крестьян в «Крестьянскую газету» и сводок ГПУ, позволяла крестьянам сохранять веру в справедливость верховной власти даже при столкновении с произволом на местах – вывод, имеющий значение для понимания природы советской политической системы в целом.

Важным достоинством работы является и анализ слухов как специфической формы информационного воздействия и одновременно – индикатора общественных настроений. В условиях неграмотности (93% неграмотных в начале 1920-х, с. 175) и отсутствия развитых СМИ слухи были фактически «устной газетой» деревни. Автор предлагает типологию слухов (эсхатологические, о войне и реставрации, агрессивно-дискредитирующие) и доказывает, что они целенаправленно распространялись кулачеством и частью духовенства (с. 176–182). При этом он не впадает в упрощённый заговорологический дискурс, а показывает, что слухи работали только тогда, когда попадали на подготовленную почву – хозяйственную неустроенность, инфляцию, недоверие к чиновникам. Такой подход, сочетающий анализ целей распространителей и уязвимости аудитории, демонстрирует высокий уровень методологической рефлексии автора.

Объём проведённого исследования, умелое использование методологических приёмов (элементы исторической психологии, с. 35–37), уточнения, которые постоянно делает автор при анализе архивных документов, свидетельствуют о новом решении научной проблемы (реконструкция динамики восприятия власти сельским населением)

и о личном вкладе Р.А. Дашкина в изучение истории НЭПа, истории повседневности и исторической антропологии российской провинции.

Вместе с тем, несмотря на высокий уровень работы, обоснованность научных положений, выводов и рекомендаций, их достоверность и новизну, следует указать и на то, что исследование Р.А. Дашкина имеет ряд недостатков:

1. В историографическом обзоре не охарактеризованы работы историков Е.Г. Гимпельсона, В.В. Кондрашина, А.Я. Лившина, В.С. Околотина, имеющие непосредственное отношение к теме диссертации (хотя некоторые из них упомянуты в списке литературы).

2. Без внимания автор оставил публикации нижегородских историков (А.В. Шуршиковой, Д.А. Медведева, А.А. Камилова), напрямую посвященных осуществлению новой экономической политики в регионе.

3. В обзоре источников не нашли отражение сборники: «Совершенно секретно»: Лубянка-Сталину о положении дел в стране; «Письма во власть. 1928-1939: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям» /сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов, О.В. Хлевнюк. — М.: РОССПЭН, 2002; «Крестьянские истории: Российская деревня 20-х годов в письмах и документах / Сост. и авт. предисл. С.С. Крюкова. — М.: РОССПЭН, 2001, имеющие важное значение для раскрытия цели и задач, обозначенных в работе.

4. Из текста диссертации не ясна взаимосвязь восприятия советской власти крестьянством с учетом внутренних («ножницы цен» 1923 г., товарный кризис 1925 г., кризис хлебозаготовок 1927/28 гг.) и внешних («военные тревоги» 1923, 1924, 1927 гг.) кризисов нэпа. Как эти факторы повлияли на взаимоотношения правящей партии и деревни?

5. В работе не нашел отражение аспект внутривластной борьбы (в том числе, и на местном уровне) и ее влияние на настроения крестьянства по отношению к власти. Какую роль эти настроения сыграли в свертывании нэпа в 1928/29 гг.?

Вместе с тем, высказанные замечания не отменяют достоинств кандидатской диссертации Р.А. Дашкина. Выполненное исследование во многом по-новому представляет проблему эволюции общественных настроений в советской деревне в годы НЭПа, показывает сложный, нелинейный характер взаимоотношений крестьянства и власти, выявляет механизмы, с помощью которых власть (через чистки, перевыборы, агитацию) пыталась корректировать своё восприятие в глазах населения. Работа носит оригинальный характер, основана на широком комплексе архивных источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Р.А. Дашкиным опубликованы статьи в рецензируемых научных изданиях (в том числе в журналах из перечня ВАК, с. 52–53), отражающие основные положения диссертации. Основные положения и выводы автореферата соответствуют теме диссертации.

Диссертация Р.А. Дашкина на тему «Советская власть и коммунистическая партия в восприятии сельского населения в условиях новой экономической политики (1921–1929 гг.) (По материалам Нижегородской губернии)», представленная к защите на соискание учёной степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. – Отечественная история, является законченной научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований решена актуальная задача, имеющая важное научно-практическое значение.

По своей актуальности, научной новизне, объёму выполненных исследований и практической значимости полученных результатов диссертация Рината Анвяровича Дашкина полностью соответствует требованиям ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ и требованиям пп. 9–14 «Положения о присуждении учёных степеней», утверждённого Постановлением № 842 Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. (в действующей редакции), а её автор Дашкин Ринат Анвярович заслуживает присуждения учёной степени кандидата

исторических наук по специальности 5.6.1. – Отечественная история (исторические науки).

Отзыв ведущей организации составлен доктором исторических наук, профессором, профессором кафедры истории России и методики обучения истории и обществознанию Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина» А.Ф. Агаревым.

Отзыв заслушан, обсужден и утвержден на заседании кафедры истории России и методики обучения истории и обществознанию ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина» 21 мая 2026 г., протокол № 10.

Заведующий кафедрой истории России
и методики обучения истории и обществознанию
ФГБОУ ВО «Рязанский государственный
университет имени С.А. Есенина»,
доктор исторических наук, доцент

Е.А. Кирьянова

21 мая 2026 г.

Сведения о ведущей организации:
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»
Адрес: 390000, Россия, Центральный Федеральный округ,
г. Рязань, ул. Свободы, 46.
Телефон: +7 (4912) 28-03-89
E-mail: rsu@rsu-rzn.ru

*подпись Вурьяновой С.А. заверено
ведущий специалист по кадрам*

